

МОТИВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРИНУЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

канд. филол. наук, доц. Е.И. ТИМОШЕНКО

(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)

В статье представлены мотивационные модели формирования модальной семантики принуждения в русском языке: с исходным значением применения физической силы; с исходным значением пространственного стеснения, ограничения; с исходным значением расположения под чем-либо. Формирование семантики принуждения может осуществляться не только на основе семантического переноса, но и в структурно производных глаголах с помощью приставочных морфем (при-, под-, у-), в которых также наблюдается переосмысление исконных пространственных значений нахождения близ чего-либо или под чем-либо, удаления или отделения. Производящие основы таких глаголов называют средством или способ принуждения.

Ключевые слова: семантика, модальность принуждения, мотивационная модель, внутренняя форма слова, этимология, метафора, приставка.

Введение. В отечественной лингвистической литературе семантическая категория модальности рассматривается, прежде всего, как категория, свойственная предложению [1, с. 59–66]. В основе её понимания лежат исследования В.В. Виноградова, характеризовавшего модальность как «существенный конструктивный признак предложения», который проявляется в «указании на отношение к действительности» [2, с. 55]. Семантическая категория модальности, как пишет В.В. Виноградов, «имеет смешанный лексико-грамматический характер» [2, с. 57]. Основными средствами выражения объективной модальности предложения являются грамматические (формы глагольных наклонений и времен) и интонационные; субъективная модальность выражается, в основном, лексическими средствами (прежде всего, вводно-модальными словами и частицами).

Хорошо известно суждение о том, что модальность пронизывает всю «ткань речи», поэтому правомерным представляется обращение к выяснению истоков формирования модальных значений на лексическом уровне. В современной семасиологии продолжается работа по составлению каталога семантических изменений. «Задача создания свода всех диахронических семантических переходов на основе уже установленных этимологических сближений, безусловно, продолжает оставаться актуальной», – пишет А.А. Зализняк [3, с. 401; 4]. Подобный каталог позволяет систематизировать знания о языковой картине мира и углублять представления о закономерностях человеческого мышления, о тех смысловых и ассоциативных связях, которые устанавливаются между различными предметами и явлениями объективной действительности и интеллектуально-духовными проявлениями жизни человека.

Объем категории модальности и список значений, которые к ней относятся, нельзя считать устоявшимся. Систематизация выделяемых в лингвистической литературе модальных значений, предпринятая авторами коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» приводит к следующему списку: 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности; 2) оценка представленной в высказывании ситуации с точки зрения возможности, необходимости или желательности; 3) оценка говорящим степени достоверности сообщаемого; 4) целеустановка говорящего; 5) утверждение / отрицание; 6) эмоциональная и качественная оценка сообщаемого [5, с. 68]. Ряд значений, представленных в приведенном списке, относится к области волеизъявления (например, целевая установка говорящего может быть представлена как побуждение, желательность или вопрос).

Значения, связанные с выражением волеизъявления, включаются в список семантических примитивов – таких элементарных смыслов, которые не требуют толкования и выступают как компоненты формирования смыслов более сложных. А. Вежбицкая, например, в качестве основной оппозиции человеческого волеизъявления рассматривает смыслы ‘хочу’ – ‘не хочу’ [6, с. 237]. Это положение можно признать правомерным, поскольку другие типы волеизъявления (или шире – субъективной модальности) могут быть объяснены на основе метонимической связи с указанными: а) ‘хочу’ → (поэтому) ‘требую’, ‘приказываю’, ‘прошу’, ‘предлагаю’; ‘хочу’ ← (потому что) ‘так должно’, ‘так требуется’, ‘имеется объективная необходимость’; б) ‘не хочу’ → (поэтому) ‘запрещаю (не разрешаю)’, ‘принуждаю’ (= ‘не хочу согласиться с существующим положением дел’). Очевидно, что семантическое объяснение некоторых видов волеизъявления может в равной степени опираться как на смысл ‘хочу’, так и на смысл ‘не хочу’, сравним: ‘запрещаю’, потому что ‘не хочу принимать данную ситуацию, отвергаю её’ и потому что ‘хочу, чтобы положение дел изменилось, пришло в соответствие с моим желанием’. А. Вежбицкая подчеркивает, что «воля является сложным понятием, основанным на двух простых представлениях: *polo* и *volo*» [6, с. 239] (*nolo* ‘не хочу’, *volo* ‘хочу’).

Объектом рассмотрения в статье являются лексические единицы с семантикой принуждения в русском языке. Предмет исследования представляют мотивационные структурно-семантические связи между словами, выражающими модальное значение, и их производящими (как на современном языковом срезе, так и в истории русского языка).

Цель статьи заключается в определении внутренней формы слов, выражающих модальность принуждения в русском языке, и, таким образом, выявлении мотивационных моделей формирования указанного типа семантики. Языковой материал извлекался из толковых, диалектных и этимологических словарей и исследовался с помощью методов семантического и словообразовательного (в том числе диахронического) анализа.

Основная часть. Изучение внутренней формы лексических единиц, выражающих данный тип модального значения, показало, что оно может формироваться на основе ряда мотивационных моделей.

Регулярной моделью формирования семантики принуждения является модель с исходным значением применения физической силы, насилия ('давить, жать, теснить'). В ряде случаев метафорическая основа появления переносного модального значения принуждения очевидна для современного среза: *клонить* 'нагибать верхнюю часть чего-л.; придавать чему-л. наклонное положение' (для изменения положения важным оказывается наличие внешней силы) – (перен.) 'направлять к чему-л. определенному, заранее задуманному' (аналогично и еще более отчетливо в глаголе *склонить*: 'убедить сделать что-л., согласиться на что-л.' [7, т. IV, с. 110–111]); *теснить* 'придвигаясь, толкать, нажимать, заставлять отходить, отодвигаться куда-л.' – (перен.) 'лишать выгодных позиций, преимуществ'; (устар. и прост.) 'угнетать, притеснять' [7, т. IV, с. 361] и *стеснить* 'сжать, сдавить кого-л., создавая тесноту'; 'тесня, лишить простора, сделать малым, узким пространство, место, занимаемое кем-, чем-л.' – (перен.) 'лишить свободы действий, стать помехой для кого-, чего-л., связать. // Ограничить кого-л. в чем-л.'. Формирование семантики принуждения в глаголах *клонить*, *склонить* обусловлено не только представлением о применении физической силы, но и переосмыслением пространственного понятия низа как источника всего плохого в жизни человека (так называемая «ориентационная метафора»). У глагола *теснить* (*стеснить*) исходное для формирования модальной семантики принуждения значение совмещает семы применения физической силы и пространственного ограничения. Аналогичной оказывается семантическая структура глагола *толкать*: 'толчком (толчками) заставлять идти куда-л. или двигать, перемещать в каком-л. направлении' – (перен.) 'побуждать к чему-л. (к какой-л. деятельности поступку, выбору какого-л. пути), быть причиной, поводом к чему-л.' [7, т. IV, с. 374]. Диалектный глагол *силовать* однозначен: 'неволивать, приневоливать, нудить, принуждать, заставлять силою' [8, т. IV, с. 185] (словообразование и семантическая мотивация очевидны).

В других случаях исходная сема применения физической силы оказывается затемненной и может быть выявлена только этимологически. Так обстоит дело с глаголом *велеть* 'приказать (приказывать), распорядиться (распоряжаться)'. Семантика исходного корня глагола (**uel-/*uol-*) реконструируется как 'желать', однако для индоевропейского языкового среза в этимологической литературе выделяется несколько омонимичных корней, связь значений которых оказывается очевидной. Так, одному из омонимов **uel-/*uol-* свойственно значение 'давить, жать' [9], и представляется естественным, что осуществление подобного интенсивного действия сопряжено с желанием быстрого достижения цели, то есть можно думать, что исконная семантика корня оказывается синкретичной, совмещающей модальную сему волеизъявления и сему физического воздействия. В однокоренном глаголе *неволивать* ('заставлять делать что-л. вопреки воле, желанию; принуждать'), явно более позднем по происхождению, модальное значение принуждения отражает семантику производящего существительного *неволя* ('отсутствие свободы, независимости'; прост. 'принуждение, сила и власть обстоятельств, необходимость') [7, т. II, с. 429].

Ещё одной мотивационной моделью является формирование семантики принуждения на основе представления о пространственном ограничении, наличии преграды, об ограничении возможности для перемещения или другого действия. В соответствии с указанной моделью сформировалась модальная семантика глаголов *заставить* 'принудить сделать что-л., поступить каким-л. образом' ← *заставить* 'ставя, занять чем-либо пространство', 'загородить, закрыть чем-либо поставленным' (в современных толковых словарях *заставлять*¹ и *заставлять*² представлены как омонимы [7, т. I, с. 575; 10, т. 5–6, с. 624–625]); *обязать* 'вменить кому-л. в обязанность, предписать, сделать обязательным исполнение чего-л.' [7, т. II, с. 582] из **obvezati* (рус. *обвязать* 'обмотав, опутав, завязать; обернуть, укутать и увязать' [8, т. II, с. 571]). И в глаголе *заставить*², и в глаголе *обязать* модальное значение на современном срезе выражается корневой морфемой в силу процесса опрощения.

Модальность принуждения выражает глагол *нудить* (в современном языке просторечный и устарелый) 'заставлять что-л. делать, понуждать' [7, т. II, с. 514] и его производные – *понудить* и *принудить* (очевидно, что этот глагол занимает ядерную позицию в семантическом поле модальности принуждения). Направления формирования модального значения принуждения, выявляемые в современном языке, помогают, на наш взгляд, уточнить представление о мотивационной модели, в соответствии с которой образовалась семантика данного глагола. В этимологической литературе праславянский глагол **nuditi(se)* возводится к и.-е. **nāu- / *nēu- / *nū-* с исходной семантикой 'мучить'. В. Махек сопоставляет праслав. **nuditi(se)* с др.-инд. *noddyati* 'принуждать'. Высказываются предположения о связи **nuditi* с лит. *ponūsti* 'почувствовать желание, захотеть', др.-в.-нем. *niot* 'желание', др.-сакс. *niud* 'требование, желание' (согласный *-t- рассматривается как вариант расширения корня наряду с *-d-) (обзор точек зрения см. в [11, вып. 26, с. 36–37]). На наш взгляд, на фоне мотивационных моделей формирования семантики принуждения, о которых говорилось выше, наиболее убедительно сопоставление рассматриваемого глагола с германским *ni-* 'теснить, принуждать', а также с др.-инд. *nud-* 'толкать'. Вероятнее всего, в основе становления модального значения принуждения в корне **nuditi* лежит синкретизм представления о применении физического воздействия и метонимически связанного с ним представления о пространственном ограничении, стеснении. В этом убеждает семантика рефлексов корня, известных славянским языкам и диалектам. С одной стороны, ряд производных обнаруживают значения недостаточности, нужды, физического недомогания, болезни

(и метонимически связанной с ними семантики потребности, необходимости: «отсутствие → потребность его восполнения»): болг. *нужда* ‘потребность, необходимость; бедность’, макед. *нужда* ‘потребность; беда, нужда’, ст.-чеш. *núže* ‘недостаток (чего-л.); необходимость, нужда’, польск. *needza* ‘нужда, бедность’, др.-рус.-цслав. *НУЖДА*, *НЖЖДА* ‘необходимость’, др.-рус. *ноужа* ‘нужда, лишения’, ‘недостаток, бедность’ и мн. др. Представление о стесненности материального положения и физической немощи – результат метафорического переосмысления семантики пространственной ограниченности, недостаточности. С другой стороны, в продолжениях корня прослеживается переосмысление семы применения физической силы, давления («толкать, давить → принуждать»): чеш. *nouse* ‘насилие’, др.-рус. *ноужа* ‘принуждение, воздействие силой; притеснение’, ц.-слав. *НОУЖЕНИИС*, *НОУЖДЕНИИС* ‘насилие’ и др. [11, вып. 26, с. 37–39].

Исходная семантика давления, сжатия, применения силы и одновременно пространственного ограничения, выражаемая корнем, может находить «поддержку» в значении приставки. Так, в ряде глаголов, содержащих корень с подобным значением, приставка *при-*, имеющая значение приближения, присоединения (= сокращения дистанции) и образующая видовую пару, по сути, частично дублирует семантику корня, сравн.: *придавить* ‘своей тяжестью или чем-л. тяжелым прижать’ – перен. (разг.) ‘подвергнуть угнетению, притеснению’; *прижать* – в переносных значениях ‘подвергнуть ограничению в чем-л., поставить в крайне стесненное положение; притеснить’, ‘лишить возможности отрицать что-л.; уличить, разоблачить’; *припереть* (перен.) ‘поставить в безвыходное положение’; *притеснить* ‘стеснить, несправедливо ограничить в правах и действиях’ (аналогично во фразеологических оборотах *прижать в угол (кого)*, *прижать к ногтю*, *прижать к стене (к стенке)* ‘лишить возможности опираться, отрицать что-л., уличить, разоблачить’; *припереть в угол (кого)*, *припереть к стене (стенке)*).

Известно, что приставка является самой «лексичной» из всех служебных морфем и её семантическая роль в слове может быть не менее важной, чем роль корня (а в словах со связанными корнями – даже более важной). При рассмотрении лексики с модальным значением принуждения обращают на себя внимание также слова с приставками *у-* и *под-*.

Исходным (этимологическим) для любой приставки является пространственное значение. В сочетании с корневой морфемой нередко происходит переосмысление, ведущее к формированию переносных значений.

В русском языке имеется целый ряд слов, содержащих живую или историческую приставку *у-*, которые выражают модальное значение принуждения. Семантика приставки в глаголах типа *убедить*, *уговорить*, *уломать* и т.п. проанализирована в работе А.А. Зализняк «Полисемия и способы ее представления в языке». Этимологически исходным для приставки *у-* является значение отделения, удаления, иначе говоря – ‘движение прочь’. А.А. Зализняк считает, что через промежуточную ступень ‘движение вниз’ формируется каузативное значение «перехода в более низкое состояние («подчиненное субъекту действия и/или более спокойное»)). Исследовательница указывает, что значение ‘движение вниз’ «в чистом виде практически отсутствует: *упасть*, *уронить*» [3, с. 341]. На наш взгляд, выделение значения ‘движение вниз’ для приставки *у-* недостаточно обоснованно: в приведенных глаголах указанное значение выражается корневыми морфемами, а приставка выступает как средство образования видовой пары (*падать* – *упасть*, *ронять* – *уронить*). В таком случае не исключено объяснение формирования семантики принуждения у глаголов типа *уговорить*, *уломать* тем обстоятельством, что приставка *у-* на основе исходного пространственного значения удаления (сравн. *убрать*, *урезать* и т.п.), приобретает абстрактное значение уменьшения, сокращения (= приведения в более спокойное, подчиненное состояние). Кроме того, исконное значение отделения является основой формирования более широкого (и абстрактного) значения лишения, в рассматриваемых глаголах может иметься в виду лишение кого-либо возможности самостоятельно действовать, принимать решение и т.п. Представляется также необходимым дополнить анализ этой лексики некоторыми замечаниями по поводу семантической отнесенности производящих основ, на базе которых образованы глаголы со значением принуждения. Как показывают наблюдения, присоединение приставки *у-* (или одновременно приставки и суффикса) способствует формированию модальной семантики принуждения у основ следующих семантических классов:

а) у основ со значением физического воздействия или пространственного ограничения: *уломать*, *укоротить*, сюда же этимологически связанное *укротить* (сравн. также в составе фразеологических оборотов *укоротить руки (кому)* (прост.) ‘запретить кому-л. бесчинствовать, драться’, *укоротить язык (кому)* ‘заставить кого-л. меньше разговаривать или дерзить’ [7, т. IV, с. 481–482]);

б) у основ со значением речевой (интеллектуально-речевой) деятельности: *уговорить*, *угомонить*, *увещать (увещевать)*, *улестить*, *убаюкать*, *урезонить*. Производящая база при таком словообразовании содержит прямое или косвенное указание на способ или средство принуждения.

Кроме приведенных выше, можно выделить еще два типа каузативных глаголов, содержащих приставку *у-* и обнаруживающих модальное значение принуждения как вторичное, образованное на основе лексико-семантического переноса. Это, во-первых, глаголы, в лексическом значении которых имеется сема ‘действие или процесс, протекающие при высокой температуре’: *уечь* (прост.) ‘отправить куда-л. против воли. // Лишить свободы, подвергнув какой-л. каре (в острог, в тюрьму)’ [7, т. IV, с. 502], *упарить* (прост.) ‘измучить, вогнать в испарину, в пот кого-л. // Выговаривая, браня, довести до изнеможения’ [7, т. IV, с. 501] (известно, что переносные значения слов, содержащих подобные корни, обладают отрицательными оценочными коннотациями); и во-вторых, глаголы, образованные от именных основ, называющих пищу, за которой традиционно закреплено представление о высокой ценности в силу положительно оцениваемых вкусовых свойств: *умаслить* (перен., разг.) ‘добиться

чьего-л. расположения, склонить к чему-л. лаской, лестью, подарками', *усахарить* (перен., прост.) 'расположить к себе лестью, ласковым обращением'. Несмотря на то, что значение принуждения у этих глаголов является производным семантически, не следует преуменьшать роли приставки, поскольку и в прямых, и в переносных значениях каузативность выражается именно за счет неё: приставка *у-* в подобных случаях имеет значение «доведения действия до требуемого результата, до полного удовлетворения» [7, т. IV, с. 442].

Отдельно нужно сказать о глаголе *убедить*: 1) 'заставить поверить чему-л., уверить в чем-л.'; 2) 'угovarивая, склонить к чему-л., заставить сделать что-л.' [7, т. IV, с. 443]. В современном языке глагол является нечленимым и возглавляет самостоятельное словообразовательное гнездо, приставка *у-* в нем может быть выделена только как историческая. Исконно он является производным от глагола *бѣдити*, продолжающего праславянское **bĕditi*, соотносительное с существительным **bĕda*. Среди этимологов нет единства взглядов по поводу направления словообразовательной производности между **bĕditi* и **bĕda*, однако семантическая реконструкция корня считается надежной: авторы «Этимологического словаря славянских языков» пишут о том, что «уже давно обращалось внимание на широкую семантическую первооснову славянских слов и их исходное значение 'принуждать'» [11, вып. 2, с. 55–56]. Таким образом, есть все основания утверждать, что исторически значение приставки в этом слове чисто видовое (результативное) и лишь наличие в языке целого ряда семантически соотносительных слов с живой приставкой *у-* может вызвать иллюзию того, что приставка и в этом глаголе имеет модальное значение.

Рассматриваемый тип модального значения выражается в словах с приставкой *под-*. Переосмысление расположения внизу, под чем-либо как несамостоятельного, подчиненного, зависимого и т.п. положения не нуждается в доказательствах. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих данную модель формирования модальной семантики принуждения: *подмять* 'навалившись, придавить собой, подсунуть под себя. // перен. Разг. Подчинить своей власти, своему влиянию' [7, т. III, с. 200]; *подобрать* во фразеологизме *подобрать под ногу* 'подчинить кого-л. полностью своему влиянию' [7, т. II, с. 506]; *подвергнуть* 'сделать объектом какого-л. действия, произвести над кем-, чем-л. какое-л. действие. // Заставить испытать, пережить что-л., поставить в какое-л. положение'. Существительные, с которыми регулярно сочетается глагол *подвергнуть*, называют эмоционально тяжелые, нежелательные для человека состояния, обстоятельства и т.п.: *подвергнуть наказанию, опасности, риску, осмеянию, казни, преследованию* и т.д. В подобных описательных глагольно-именных оборотах глагол, как известно, утрачивает лексическую самостоятельность, а основная смысловая нагрузка приходится на существительное, – в данном случае семантика существительных, с которыми регулярно сочетается глагол, как раз и указывает на подчиненность, принудительность положения субъекта.

Заключение. Таким образом, формирование модально-каузативной семантики принуждения в русском языке представлено двумя основными мотивационными моделями: моделью, в основе которой лежит исходное значение применения силы (сжатия, давления), и моделью, в основе которой лежит представление о пространственном стеснении, ограничении. В ряде случаев исходный корень обнаруживает синкретизм указанных значений. К исходным пространственным представлениям, обуславливающим становление семантики принуждения, относится также представление о расположении под чем-либо. Рассмотренный тип модального значения формируется не только как результат семантического (метафорического) переноса, но и с участием приставочных морфем, таких как *при-*, *под-*, *у-*. В подобных случаях также наблюдается переосмысление исконных для приставок пространственных значений (нахождения близ чего-либо или приближения; нахождения под чем-либо; удаления, отделения, лишения). В производных словах с приставкой *у-* производящая основа имеет значение способа или средства принуждения. Приведенный в статье языковой материал подтверждает положение о том, что в основе языковой картины мира лежит пространственная модель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Модальность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1990. – С. 59–66.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избр. тр. Исслед. по рус. грам-ке. – М.: Наука, 1975. – С. 53–87.
3. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
4. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
5. Бирюлин Л.А. Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1990. – С. 67–71.
6. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / Сост., вст. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. – 1981–1982.
9. Покорны, Ю. Индоевропейский этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/iew-u.htm>. (дата обращения: 17.03.2023).
10. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; гл. ред. К.С. Горбачевич. – Т. 5–6: Е–З. – М.: Русский язык, 1994. – 912 с.

11. Этимологический словарь славянских языков. Вып 2 / Под ред. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1975. – 238 с.; вып. 26 / Под ред. акад. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1999. – 237 с.

Поступила 17.04.2023

MOTIVATIONAL MODELS OF THE SEMANTICS OF COERCION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

E. TIMOSHENKO
(*Francisk Skorina Gomel State University*)

The article reveals motivational models of the formation of modal semantics of coercion in the Russian language: with the initial meaning of the use of physical force; with the initial meaning of spatial constraint, restriction; with the initial meaning of the location under something. The formation of the semantics of coercion can be carried out not only on the basis of semantic transference, but also in structurally derived verbs with the help of prefixed morphemes (нпу-, нод-, у-), in which there is also a rethinking of the original spatial meanings of being near or under something, deletion or separation. The generating bases of such verbs are called the means or method of coercion

Keywords: *semantics, modality of coercion, motivational model, internal form of the word, etymology, metaphor, prefix.*